

Лейтенант Дегре

**Ошибка патрульного
времени. 1793**

ЛитРес: Самиздат
Москва

УДК 82-312.9
ББК 84(2)6
Д26

Дегре Л.

Ошибка патрульного времени. 1793 / Дегре Л. —
Москва: ЛитРес: Самиздат, 2021. — 40 с.

ISBN 978-5-532-96960-5

Кто внимательно читал роман Виктора Гюго "Девяносто третий год", тот непременно должен был заметить в нем нечто странное. Есть там фантастическая деталь, которая послужила поводом для создания этого произведения. Поймать великого писателя на фактических ошибках, оказывается, легко. Но сама по себе эта задача достойна лишь комментатора-буквоеда. Мне же как писателю захотелось, пользуясь данным мне автором поводом, дать более убедительную психологическую трактовку поведения всех (подчеркиваю - всех!) главных персонажей лучшего, по моему мнению, романа Виктора Гюго. "Девяносто третий год". Версия "Революция против контрреволюции" как главный мотив человеческого поведения нас больше не может устроить, ибо мы в революциях теперь понимаем куда больше самого Виктора Гюго.

Содержание

1. Трибунал	4
2. Судья	10
3. Сержант Радуб	15
4. Отец и сын	22
5. Жандарм	31
Примечания	40

1. Трибунал

Нижний ярус башни старинного нормандского замка, переделанный ныне в кордегардию, готовился стать сценой революционного военного трибунала. Двое жандармов из команды полевой жандармерии внесли стол, сбитый их сосновых досок, три соломенных стула – для судей, грубо сколоченный высокий табурет – для подсудимого, и еще два табурета пониже – для комиссара-аудитора и для секретаря суда. Из раздобытой тут же в замке портьеры соорудили красную бархатную скатерть. Капрал, назначенный секретарем, разложил на столе палочку красного сургуча, медную печать республики, две чернильницы, папки с чистой бумагой и два больших развернутых печатных листа. Оба листа не предвещали подсудимому ничего хорошего.

Полковой каптенармус с солдатами внесли знамя батальона и еще несколько трехцветных полотен, обычно игравших роль боевых значков. Напротив стула судьи была дверь в темницу, охраняемая скучающим караульным жандармом. За несколько минут до полудня одинокого караульного у тюремной двери сменили два жандарма в начищенных до блеска касках, с саблями наголо. Зала преобразилась и приобрела некоторую мрачную торжественность.

Вошел депутат Симурден. Он был в шляпе с трехцветной кокардой, с саблей на боку и двумя пистолетами за поясом. Щелкнув крышкой часов, он окинул взглядом залу и кивнул, видимо, оставшись довольным. Тут же к нему подошел жандармский офицер и представился:

– Гражданин комиссар Комитета общественного спасения! Командир роты полевой жандармерии лейтенант Дегре. Докладываю: капитан Гешан, исправляющий должность заместителя командира бригады, прибыть в суд не сможет.

Депутат проскрежетал противным металлическим голосом:

– Что значит не сможет? Он назначен судьей по делу Лантенака! Он не может уклониться от своего революционного долга!

Доставьте его хоть силой, под конвоем! Возьмите двух жандармов! Если откажется, я его самого отправлю на гильотину.

Лейтенант приблизился к депутату и понизил голос до полуслова:

– Право, не стоит, гражданин комиссар! Капитан Гешан люто страдает от кишечного расстройства. Наверное, объелся незрелыми сливами. Безвылазно сидит в нужнике, заседать все равно не сможет: превратит судебную церемонию в фарс на радость маркизу Лантенаку. Извольте лучше назначить другого судью от лица офицеров.

– Тогда срочно доставьте мне любого другого офицера! – проскрежетал Симурден.

– Что значит, любого? – удивился лейтенант. – Извольте точно указать имя и звание.

– Откуда я знаю их имена? – в свою очередь удивился Симурден. – Спросите у Говэна: он их командир, пусть назначит любого.

Лейтенант выговорил депутату с такой резкостью, с которой, должно быть, никто не смел разговаривать с тем прежде:

– Гражданин комиссар, во-первых, назначить судью можете только вы. Во-вторых, напоминаю, вы сами отстранили Говэна от принятия решений по делу Лантенака. В-третьих, самого Говэна с утра ищут и не могут нигде найти, а уже почти полдень. Бригада осталась без командира, если не считать сидящего в нужнике Гешана. Спросить не с кого.

Симурден недобро взглянул на лейтенанта. Его губы чуть скривила полуулыбка:

– В таком случае вы, да, именно вы сами и будете судьей.

– Я? – в голосе лейтенанта послышалась искреннее недоумение.

– Да, вы! Назначаю вас! – решительно приказал Симурден. – Вы знакомы с обстоятельствами дела?

– Так точно, гражданин комиссар! – подобрался лейтенант.

– Вы знаете, кто такой маркиз Лантенак, и как он опасен?

– Так точно, гражданин комиссар! Матерый зверь. Враг республики. Проданся англичанам, значит, враг Франции. Вандейский сепаратист. Смерть такому!

– Тогда вы сумеете правильно проголосовать, – Симурден едва заметно смягчил голос, – но не будет ли у вас колебаний морального свойства? Он все-таки накануне спас троих детей из пожара.

– Никаких колебаний, гражданин комиссар! – бодро отрапортовал лейтенант, – Будьте уверены, проголосую правильно! Лантенаку – смерть!

Симурден понизил голос, глядя на наполняющую кордегардию публику, сплошь состоящую из солдат, и почти доверительно сообщил:

– У меня, признаюсь, вызывает некоторое опасение, правильно ли проголосует сержант Радуб. Но назначить вчера другого судью от унтер-офицеров было чревато недовольством солдатской массы. Все-таки, он был героем дня.

– Не извольте беспокоиться, гражданин комиссар, – уверил его лейтенант, – два голоса всегда перевесят один.

В зале появился сержант Радуб с головой, обвязанной кровавым платком под шляпой. Все солдаты уважительно расступились перед ним. Радуб строевым шагом подошел к депутату и лейтенанту и остановился перед ними молча, не поднося руку к шляпе. Депутат чуть наклонил в ответ голову, лейтенант отдал честь. Симурден проскрежетал, чтобы судьи занимали свои места, и сам первым уселся на центральный стул. Слева от него сел Радуб, справа – Дегре. По торцам стола расположились капрал – секретарь суда – и комиссар-аудитор – полковой каптенармус. Пока в зал набивалась публика, Симурден успел написать и отправить с вестовым депешу. Лейтенант краем глаза углядел написанные слова: «Лантенак взят. Завтра он будет казнен».

Закончив писать, Симурден громко скомандовал, скрежещающим голосом:

– Откройте темницу.

Эхом его голосу заскрежетала тюремная дверь: оба жандарма, отодвинув засов, отправились за арестованным. Симурден, следуя примеру судей революционных трибуналов, принял характерную позу: вскинул голову, сложил на груди руки и, глядя на дверь, проскрипел:

– Введите арестованного.

Под сводом открытой двери между жандармами вместо ожидаемого всеми маркиза Лантенака появился командир бригады охраны побережья Говэн.

Никаких сомнений не было. Говэн сам сразу во всем признался: он выпустил из темницы Лантенака и теперь спокойно просил у судей для себя смерти за свой поступок. Судейский стол охватила внезапная немота. Солдаты в зале тревожно роптали: они так и знали, что бывший аристократ непременно даст уйти другому аристократу, мол, рука руку моет. Они внезапно уверились, что уже давно подозревали в Говэне врага народа. Так всегда: одни проливают кровь, берут в плен вражеских командиров, а другие – свои же – тайные враги народа – их выпускают. Про вчерашний героический поступок Лантенака многие как-то сразу забыли. Назревал мятеж.

Положение спас Симурден. Он скомандовал жандармам усадить на табурет нового обвиняемого и повел судебное заседание уже в отношении Говэна. Солдаты в зале притихли. Говэн оказался сущим подарком для обвинения. Он ничего не отрицал, сам признал свою вину. Комиссар-аудитор зачитал декрет Конвента и приказ самого Говэна. По обеим бумагам Говэну выходила смертная казнь. Симурден призвал соблюсти закон и объявил голосование судей, которое уже представлялось простой формальностью. Симурден кинул взгляд направо.

– На военном совете первым высказываются младшие по званию, – заявил жандармский лейтенант, – пусть сначала выскажется второй судья.

Симурден был явно этим недоволен, но перевел взгляд налево.

– Слово предоставляется второму судье. Слово имеет сержант Радуб.

Радуб поднялся с места, повернулся к подсудимому и отдал ему честь. Речь его была достойна того, чтобы привести ее здесь слово в слово, без малейших сокращений:

«Если уж на то пошло, гильотинируйте меня. Потому что, черт побери, даю честное слово, я сам хотел бы сделать то, что сделал

старик, и то, что сделал мой командир. Когда я увидел, как он бросился прямо в огонь, – а ему восемьдесят лет, – чтобы спасти трех крошек, я тут же подумал: "Ну, молодец, дед!" А когда я узнал, что наш командир спас этого старика от вашей окаянной гильотины, я – тысяча чертей! – так подумал: "Вас, командир, нужно произвести в генералы, вы настоящий человек, и если бы от меня зависело, будь я неладен, я бы вам дал крест Святого Людовика, если бы еще были кресты, если бы еще были святые и если бы еще были Людовики. Да неужели мы все стали безголовыми дураками? Если ради этого мы выиграли битву при Жемапе, битву под Вальми, битву при Флерюсе и битву при Ватиньи, тогда прямо так и скажите. Как! вот уже четыре месяца наш командир Говэн гонит всю эту роялистскую сволочь, будто стадо баранов, и защищает республику с саблей в руках, выигрывает битву под Долем, – а ее так просто, за здорово живешь не выиграешь, – тут надо мозгами пораскинуть. И вы, имея такого человека, все делаете, чтобы его потерять, и не то что в генералы его не производите, а еще задумали ему голову отрубить! Да я вам прямо скажу, лучше уж броситься с Нового моста. А вам, гражданин Говэн, я вот что скажу, не будь вы моим командиром, а, скажем, моим капралом, я бы прямо так и заявил: "Ну и глупостей вы здесь нагородили!" Старик хорошо сделал, что спас детей, вы хорошо сделали, что спасли старика, и если посылать людей на гильотину за то, что они делают хорошие дела, – так пусть все идет к чертовой матери, тут уж я ничего не понимаю!.. Значит, и дальше так пойдет? Да скажите же мне, что все это неправда! Вот я сейчас себя ущипну, может, мне это только сон привиделся? Может, я проснусь? Ничего не понимаю. Выходит, что старик должен был допустить, чтобы крошки сгорели заживо, выходит, что наш командир должен был позволить отрубить старику голову. Нет, уж лучше гильотинируйте меня. Мне оно будет приятнее. Вы только подумайте: ведь если б крошки погибли, батальон Красный Колпак был бы опозорен. Этого, что ли, хотели? Тогда уж давайте прямо перегрызем друг другу глотки. Я тоже в политике разбираюсь не хуже, чем вы все, я состоял в клубе секции Пик. Черт возьми! Неужели мы окончательно озверели! Я говорю так, как понимаю. Не нравится мне, когда тво-

рядятся такие дела, – прямо ума не приложишь, что происходит. Тогда какого дьявола мы под пули лезли? Для того, выходит, чтобы нашего командира убивали? Нет, нет, Лизетта, – прошу, как говорится, прощенья. Командира нашего в обиду не дадим! Мне мой командир нужен! Я его сегодня еще сильнее люблю, чем вчера. Посылать его на гильотину! Да это же смеха достойно. Нет, нет, этого мы не допустим. Я выслушал все, что вы тут плели. Говорите, что хотите. А я говорю – этому не бывать.»

Солдаты в зале затихли. Настроение публики сместилось в сторону симпатий к обвиняемому, что не могло остаться незамеченным Симурденom. Каждый солдат чувствовал, что Радуб сказал то, что было у каждого на душе. В зале раздались сдавленные всхлипы. Симурден нахмурился. Лейтенант Дегре вдруг с изумлением взглянул на сержанта. У того, должно быть, от волнения открылась рана, и из-под повязки текла струйка крови. Вид крови еще больше разжалобил публику.

После некоторых препирательств Симурден скрипучим голосом нехотя велел секретарю занести в протокол: «Один голос – за оправдание». После этого посмотрел значительно прямо в глаза соседа справа, то ли угрожая, то ли призывая выполнить некий уговор, и объявил всем:

– Слово предоставляется первому судье. Говорите, лейтенант Дегре.

Лейтенант прочистил горло и заговорил громким торжественным голосом, не вставая с места.

2. Судья

– Депутат Симурден призвал всех нас соблюдать закон. И разве он не прав? Долг каждого гражданина Республики – повиноваться закону! Закон, изложенный в зачитанных декретах, ясен и не допускает двусмысленного толкования. Но судья Радуб призвал нас следовать голосу нашего сердца. Если вы, все здесь собравшиеся, последуете голосу вашего сердца, я вас легко пойму. Но сейчас я судья, а у судьи не должно быть сердца! Я отказываюсь следовать голосу моего сердца! Закон для судьи – выше голоса сердца!

По залу пробежал ропот. Симурден одобрительно кивнул.

– Может ли для нас быть что-нибудь выше закона?

Зал затих.

– Может, граждане!

По залу пробежал ропот. Симурден сдвинул брови.

– Может! Выше закона для нас – благо Республики. Вот наш высший закон! Наш закон – революционная целесообразность! Что хорошо для Республики, то и есть для нас высший закон! Гражданин Говэн нарушил декрет Конвента и закон воинской дисциплины. Вы спросите меня: так виновен ли гражданин Говэн или невиновен?

Зал снова затих.

– Нет, граждане! Не так нужно ставить вопрос! Виновность или невиновность – это пережиток старого режима! Не об этом мы должны сейчас думать сознательные граждане! Сознательный гражданин в наше время думает только о благе Республики! Есть ли среди вас такие, кто ставит свое личное мнение выше блага Республики? Уверен, что среди нас таких нет!

В зале одобрительно кивали.

– Хорошо ли будет для Республики, если мы с вами казним гражданина Говэна, как он и сам того просит?

Оратор сделал паузу и обвел глазами зал суда. Слушатели, казалось, уже утратили свое прежнее мнение, если оно у них было, и только ждали, куда поведет их оратор.